

18+ ИТЬ АУТИСТА

ОСЕННЯЯ СКАЗКА В ТРИДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ АКТАХ С ЭПИЛОГОМ

Аль Странс

Аль Странс

**Любить аутиста. Осенняя
сказка в тридцати
четырёх актах с эпилогом**

«Издательские решения»

Странс А.

Любить аутиста. Осенняя сказка в тридцати четырех актах с эпилогом / А. Странс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519223-3

Это интригующая, тонкая, увлекательная и мастерски написанная история непростой жизни талантливого интеллектуала со сложным характером. История обретения истинной любви, подлинного взаимопонимания, духовной близости, при которых отпадает, как шелуха, всё наносное, ложное, чуждое. Автор, как опытный психолог, ведёт читателя по лабиринтам души и внезапным поворотам современной жизни, не уставая радовать и удивлять, заставляя порой грустить и горевать — и всё же даря в итоге светлые надежды. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-519223-3

© Странс А.
© Издательские решения

Содержание

Акт 1	6
Акт 2	8
Акт 3	10
Акт 4	17
Акт 5	19
Акт 6	23
Акт 7	24
Акт 8	25
Акт 9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Любить аутиста Осенняя сказка в тридцати четырёх актах с эпилогом

Аль Странс

Моей Гиле с любовью посвящается.

© Аль Странс, 2020

ISBN 978-5-0051-9223-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пока есть возможность, живите весело!

Сенека

АКТ 1

В одном большом-пребольшом городе жили были мальчик и девочка. Мальчика звали Адам, а девочку Ева. Они учились в одной школе, в одном классе и даже сидели вначале за одной партой. Одевались они строго по школьному, она в коричневое платье с белым воротничком и черным фартуком, а он в серую форму, пиджачок и брюки с однотонной светлой рубашечкой.

Лицо девочки было кругленьким и чуть смуглым, на румяных щечках при улыбке появлялись милые ямочки. Темные прямые волосы были заплетены в косу. Карие глаза всегда улыбались. Она застенчиво смеялась и отворачивалась, когда на нее смотрел мальчик. Но в душе она очень хотела, чтобы он на нее смотрел и даже прикасался, пусть редко, случайно.

Фигура у Евы была стройная, высокая с тонкой талией, ноги длинные, красивые, она ходила в кружок легкой атлетики.

Мальчик выглядел полноватым, высоким для его возраста, черные кудри обрамляли овал бледного лица с прямым правильным носом. Его губы красные, тонкие, сжимались всякий раз когда мальчик чувствовал обиду. Серые глаза задумчиво и философски смотрели на окружающих. Казалось, они все время спрашивали: а что вы все делаете в этом мире? Его романтическая внешность верно отражала его поэтическую душу. Да, он был романтиком, поэтом, мечтателем.

И вот однажды, когда весна уже вступила в свои права, перед окончанием восьмого класса, все ребята решили собраться на квартире одноклассницы, когда родителей не было дома, и поиграть в «бутылочку». Это такая игра, когда девочки и мальчики садятся в кружок, а посередине на ковре лежит бутылочка, которую кто-то по жребию крутит. Тот, на ком останавливается горлышко бутылки, обязан поцеловать того, кто крутил бутылочку, и самому крутануть ее и поцеловать опять того, на кого указывает бутылочка. И так пока все не перецелуются. В сущности игра безобидная, со смехом и шутками.

Не все девочки хотят целоваться с каждым мальчиком. Одна толстая девчонка по имени Лара не хотела целовать Адама, когда жребий пал на него. Ее заставляли, но она упрямилась. «Почему она не хочет меня поцеловать? – думал с недоумением про себя Адам. – Может, я такой некрасивый...» Наконец весь класс уговорил девочку поцеловать Адама, но она согласилась сделать это только через платочек.

А вот самый первый поцелуй Евы, когда она первая крутанула бутылочку и та указала на него, он запомнил почему-то на всю жизнь. Она приблизила свое лицо и, глядя ему в глаза, нежно коснулась своими мягкими влажными губами его губ. Он сомкнул веки и застыл посередине комнаты, околдованный. Это было необыкновенное ощущение, впервые им испытанное! У нее были очень нежные добрые губы, и она прижалась очень сильно и долго, пока вокруг не стали смеяться и шутить: «тили-тили тесто, жених и невеста»!

В ходе игры ему приходилось целоваться и с другими девочками и даже мальчиками, таковы правила, но все эти поцелуи были формальными, поверхностными, и хотя некоторое сексуальное возбуждение витало в комнате во время игры, класс скоро разошелся по домам. Ушли со всеми Адам и Ева. Он не подошел к ней после игры и того страстного поцелуя, каким она наградила его, даже не посмотрел в ее сторону... а она так хотела, чтобы он, именно он, Адам, первый мальчик в ее жизни, заполнивший всю ее душу и мысли, подошел сейчас к ней, взял за руку и повел под теплым дождем по мокрой улице куда-нибудь, не важно куда...

Всякий раз, как она начинала думать о нем, сердце ее радостно трепетало и румянец разливался по нежно-абрикосовой коже лица. Жаль, очень жаль, – мальчик ничего не замечал.

Это началось, скорее всего, с первого класса! Тогда их посадили за одну парту, и мальчик тут же разлил чернила и испачкал тетрадку девочки. Она помнила все, словно перед гла-

зами бежала кинолента. Мальчик не извинился, надулся, отвернулся, обиделся, хотя девочка ни в чем не была виновата. Наоборот, она сказала, что ничего страшного не случилось, что тетрадка не вся запачкана. Она пыталась успокоить его. Но в ответ он с обидой сказал, что это она виновата, что это она толкнула его и он разлил чернила. На другой день и в последующие дни не было и памяти об этом эпизоде. Но с тех пор девочке почему-то очень хотелось быть всегда поближе к мальчику, быть рядом, и не важно, обращает он на нее внимание или нет.

Прошли годы, сменились классы, а он так и не обращал внимания на Еву, даже наоборот, не замечал боли в ее глазах, когда на вечеринке общался с другой девочкой с большой грудью и яркой помадой на губах. Вероятно, это то, что манило его в те юные годы. У нее же была маленькая грудь, она втайне стеснялась этого и страдала от его отношения к ней, хотя ничего не было обещано и даже сказано. Те волшебные слова «я люблю тебя», были только на ее губах, на ее языке, но она не смела признаться ему потому, что он не любил ее. Еще не любил.

АКТ 2

Синее небо, горячее солнце, мягкий песок. Ласковые теплые волны лижут ступни ног. Он, она и еще дети из класса вместе с учителем истории, классной руководителем, медсестрой и еще одной учительницей организовали поездку класса на юг. Они все жили в большом, очень красивом, но северном городе, где большую часть года стояла осень и зима, было холодно и дождливо, и даже когда приходило лето, оно больше напоминало южную зиму. И вот классная дама проявила инициативу, директор школы согласился, родители детей одобрили и собрали деньги. Была создана основа для поездки, учителя созвонились с местным колхозом на Кавказе, где группа будет жить и работать на сборе урожая черешни неделю или две, а на заработанные деньги поедет путешествовать вдоль побережья Черного моря.

Все было готово, вещи сложены, последние указания родителей выслушаны, и делегация на Кавказ тронулась в путь. Поезд зеленым змеем мчался на юг. Стучали колеса, мелькали за окном привычные виды родной природы, леса, озера и болота.

Через сутки они прибыли на небольшую станцию, где в носу зашекетало от сладкого дурманящего запаха каких-то цветов. Это был аромат магнолии. Они впервые вдыхали этот пьянящий сильный запах. Вокруг высились горы. Солнце припекало. Приехал грузовик из колхоза и забрал класс на место жилья.

Поселили ребят в маленьких белых домиках с кроватями с жестким матрасом. Учителя и медсестра спали в другом домике. Для мальчиков и девочек были отдельные комнаты. Туалет находился во дворе. Деревянный сарайчик с двумя дырами в полу, как и принято в деревне.

Утром разбудили на завтрак. Умываться пришлось из рукотомойника. Вода была, конечно, холодная, родниковая.

На завтрак каша и стакан молока. Грузовик ждал рабочую силу, чтобы увести в вишневый сад.

Солнце уже сияло на чистом небе, свет его и тепло, и непривычные темно-зеленые горы вокруг пробуждали в молодых людях новые, неведомые чувства.

Черешня была спелой, сочной, сладкой. Кто собирал больше ящиков, тот и зарабатывал больше. Мальчик работал медленно, зато девочка умела все делать быстро. Свои заполненные крупной бордовой черешней ящики она подставляла Адаму, чтобы у них оказалось хотя бы поровну. Медсестра разносила воду в течении дня. Потом был небольшой перерыв на перекус и подсчет собранных каждым ящиков. К вечеру, еще до заката, их отвозили домой.

А вечером детки решили выйти погулять по деревне. Небо высокое, черное, было написано изумрудной пылью звезд. Легкий ветер разгуливал в ущелье. Проселочная дорога привела их к домам местных жителей. И вдруг от забора, что находился в темноте, отделилось несколько фигур и медленной развалистой походкой, словно давая понять, кто здесь хозяева, подошли к группе гостей.

– Ну, что северяне, будете драться или мы вас так побьем? – выступил вперед крепыш низкого роста, но с рельефными бицепсами.

– Нам не надо драться... – ответил Андрей, самый высокий и крепкий из всех.

– А ты попробуй, а не то мы вас сами...

Андрей вышел навстречу местному драчуну и тот, неожиданно для Андрея, резко ударил его кулаком в ухо. Андрей пошатнулся, тот ударил в челюсть, Андрей упал, быстро вскочил и побежал к калитке нашей территории. Адам побежал за всеми, упал, расцарапал бедро, вскочил и, пробегая мимо Евы, только крикнул ей: «Скорей!» Но она медленно шла посередине дороги с гордо поднятой головой, никого не боясь и даже готовая бороться за свою честь. Она шла в синей короткой юбочке, спокойно ступая длинными стройными ногами по пыльной грунтовой дороге, оперев руки в талию, и на лице ее торжествовала улыбка победительницы.

Ее не тронули, даже не посмели приблизиться. Она была Королевой звезд. Все звезды смотрели на нее и улыбались ей, посылая каждая свой маленький лучик только для Евы.

Через минуту навстречу местным мальчишкам бесстрашно вышла классная дама Антонина и очень спокойно сказала, что завтра она доложит о нападении на гостей из Ленинграда директору колхоза и позвонит в милицию. Пока же она рекомендует всем разойтись. Что они и сделали, понурые и пристыженные, а главное – в ожидании наказания на следующий день.

В тот же вечер Андрею помазали йодом царапины на лице, Адаму промыли грязную рану на коже бедра, на этом неприятный эксцесс был завершен. Но этой же ночью все мальчики и девочки тайно от учителей собрались в комнате девочек. Уже сложились пары. Каждый мальчик юркнул под простыню своей избранницы. Только Адаму не было места ни с кем, тогда Ева позвала его. Она тоже осталась одна. Разумеется все были в купальниках и легли валетом, но эта близость, это «скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенье» вызывало необыкновенные, неведомые покуда интимные чувства.

Мальчик положил ладонь на бедро девочки чуть выше колена. Она замерла в сладостном напряженном ожидании. Но он больше ничего не совершил. Так они лежали, пока одному из мальчиков не потребовалось срочно пойти в туалет, но он боялся выйти во двор один. Тогда вся команда поднялась и вышла с ним. На шум проснулись учителя и разогнали всех по своим постелям.

Наутро, как и положено, была каша на завтрак и поездка на работу. Адам и не показал виду, что вчера вечером находился в одной постели с Евой. Знаете, есть такие мальчики, как, впрочем, и девочки, внутри которых живут маленький демон и маленькая фея, – они те самые пружинки, где-то там в глубине души, заставляющие нас желать и стесняться, краснеть и убежать от предмета желания, а в конце концов, бежать от самих себя.

На все намеки и усилия девочки сблизиться он отвечал молчанием или бегством с места встречи. Он жил в своем мире. Ничто не влияло на состояние его равновесия, ни учителя, ни отметки, ни успехи или неуспехи в спортивных кружках, – ничто не колыхало тихой заводи его души. И несомненно, девочка по имени Ева тоже не трогала его чувств. Единственное, на что он реагировал, и весьма болезненно, так это на всякие обидные слова в его адрес, всякие неоправданные обвинения, а главное – публичное унижение. Тогда, казалось ему, весь мир смеется над ним, и нет больше ни единого человека, который посочувствовал бы ему, поверил в него и поддержал.

Одиночество – вот тот причал, куда он стремился в такие минуты. Одиночество! В этом спасение! Уже с ранних лет, подспудно, он понял это для себя. Только один момент, один крошечный секундный эпизод заставлял его всего лишь на минуту задуматься о другой жизни; этот эпизод был поцелуем девочки. Этот момент вспыхивал яркой звездой на горизонте его памяти и ему становилось очень хорошо тогда. Но эпизод прошел.

Он дружил с мальчиками в классе и с девочками, без сближения, разумеется. Он общался и с Евой, хотя они и не сидели больше за одной партой. Он ходил со всеми играть во дворе, но наибольшим удовольствием для него оставалась его комната с большим книжным шкафом и стол, где он делал уроки. И тишина.

АКТ 3

Прошли годы. Кончилась школа, закончился институт. Давно он не встречал девочку по имени Ева. Поступив на работу в одну перспективную фирму, он познакомился с молодой женщиной. Ее светлые волосы были убраны в модную прическу, полные губы сверкали яркой помадой; пышная грудь, не слишком большая, но эффектно открытая; стройная, чуть полноватая фигура не могли не привлечь его внимания, как, впрочем, и всех.

Она заигрывала с ним, всячески пытаясь познакомиться. Он был интересен внешне: стройный, молодой, симпатичный мужчина и, конечно, его интеллектуальный мир был достаточно богат. Но для этого нужно было заставить его говорить. Она сразу обратила на него внимание. Иногда он замечал ее попытки, иногда нет. Порой они беседовали о проблемах на рабочем месте, а иногда она вводила разговор помимо работы. Как-то даже посидели вместе в перерыве в кафетерии.

Но вот однажды на вечеринке у ее друзей, куда она пригласила его официально, открыто и с его согласия, она представила его как своего верного друга. Тогда вокруг стали поздравлять ее с прекрасным выбором и его с замечательной партнершей. Хотя он ее не знал. Три раза они встречались в кафе, два раза в театре и вот сейчас – на вечеринке, где он не был знаком ни с одним из ее друзей или подруг, и ему казалось, что все люди вокруг несколько старше них.

Он не обращал внимания на подмигивания и ухмылки некоторых мужчин и женщин из ее круга. Ему было приятно ощущать себя в хорошей компании интеллигентных людей. Кто-то играл на пианино, кто-то рассказывал смешные анекдоты, иной раз пошловатые на его вкус, но все смеялись, потом пили, потом танцевали, потом... целовались... Она, в один момент, тайно потянула его за собой, и они оказались одни в ванной комнате. Она приблизилась к нему, обняла и поцеловала в губы, проведя шаловливо под конец влажным язычком по его губам. Он был удивлен, немного возбужден, немного сконфужен. Но ему понравилось. И этот вечер, и то, как она выглядела: золотистые хорошо уложенные волосы, цвета спелой черешни помада, румяна, да и вся ее косметика делали ее необычайно привлекательной, а дорогие духи просто кружили голову. При разговоре с собеседником светло-серые большие глаза ее распаивались во всю ширь, пытаясь очаровать его.

Они ушли с вечеринки под руку. Он проводил ее до дома. На улице было прохладно, стояла ранняя весна. Ее каблучки звонко стучали по мостовой. Прохожих почти не было. Он шел рядом и смотрел на влажный асфальт, а она поглядывала на него, не понимая, почему он молчит и не обнимает ее.

– Тебе понравилось, дорогой?

– Да, было не скучно.

– Ты им тоже понравился. Все сказали, что мы очень подходящая пара. Ты понял, теперь мы пара.

– Может быть... но мы так мало знакомы... по-настоящему совсем не знакомы.

– Какая беда, дорогой мой! Что ты хочешь знать обо мне? Идем, я все тебе расскажу.

– Куда идем?

– Ко мне, куда же? У меня никого нет, родители за границей... все очень хорошо складывается.

Она опять приблизилась и прижалась к нему так, что он почувствовал ее упругую грудь и неумело обнял. Да и откуда ему было уметь? Кроме того школьного поцелуя с Евой, он ни с кем не целовался и не обнимался, и вообще не водил дружбы и близких отношений ни с девочками, ни с мальчиками. И не то, что не хотел, – хотел, но не знал, как самому познакомиться с девушкой, привлечь ее внимание, пригласить пусть даже в кино.

С коллегой Анной было легко. Обмен приветствиями, легкое рукопожатие, приятная улыбка... и всегда она была инициатором. Даже их первая встреча в кафе произошла после ее предложения: «Пригласи меня куда-нибудь». Теперь она звала его в гости... к ней домой... ночью... в пустую квартиру...

«Господи, что я буду там делать?» – думал он, краснея и надеясь, что темнота не выдаст его смущения.

– Идем, я покажу тебе библиотеку отца, очень богатая библиотека. Ты ведь любишь читать... – произнесла она мягким воркующим голосом и взяла под руку.

Но он высвободил руку и, глядя в сторону, сдавленным голосом произнес:

– Нет... не сейчас... мне надо домой... мама ждет...

Не прощаясь, быстро пошел к метро. Через несколько шагов остановился, обернулся, она замерла на том же месте, красивая, привлекательная, даже, казалось, ничуть не удивленная.

– Пока! – крикнул он и побежал.

– Пока... – помахала она мило маленькой ручкой.

Конечно, он очень хотел попасть в библиотеку отца Анны, он безумно любил умные книги и знал, что на полках научного сотрудника университета с кафедры истории найдется немало замечательного материала.

Адам любил процесс познания, но «привлекательность познания была бы ничтожна, если бы на пути к нему не приходилось преодолевать столько стыда» – цитировал по памяти Адам своего любимого Ницше. Путь к тайнам в книгах в прямом смысле слова для него лежал сейчас через тайну познания женщины. А это вызывало в душе Адама горячую волну стыда. Анна привлекала его милой улыбкой и томным взглядом. И, конечно, своей красивой грудью. Эти беломраморные выпуклости, при всем его стыде, притягивали его внимание и возбуждали его плоть. Познать женщину – познать весь мир! Но как сделать первый шаг?

Его мама была не из тех женщин, современных, открытых, либеральных, с которой можно было обсудить вопросы отношения полов. Собственно строгое, даже пуританское воспитание сделали его столь стеснительным и боязливым. Отца у Адама не было, он оставил мать, когда Адаму было четыре года. Почему? Мать отвечала коротко: «Он меня не любил». Правда, недолгое время в его жизни присутствовала бабушка, мамина мать, замечательная бабушка, но и она покинула его, уйдя в мир иной, ровно когда ему исполнилось девять лет. Оставались друзья в классе, а потом в университете. Но ни с кем не сложились у него столь близкие отношения, что можно было открыть душу и спросить, что делать? Он, разумеется, ходил с однокурсниками, и девочками, и мальчиками, в театр и кино. Но сделать шаг первым, приблизиться к девушке ближе расстояния вытянутой руки, он не мог.

И вот теперь, казалось, фортуна улыбнулась ему, пришла к нему сама, очаровала мягкой улыбкой, окружила нежной заботой, и даже... Да, вот теперь ему надо перебороть себя и отдаться своему счастью, которое, наверное, он заслужил! Если такая привлекательная девушка из такой хорошей семьи и с такими интересными друзьями и подругами предлагает ему свою дружбу... нет, она сказала, кажется больше: «Теперь мы пара». Что это значит? Для нее? И для меня? «Мы пара». И все ей сказали, что мы пара. То есть очень подходящие друг другу люди. Да, быть может, но только внешне... «Я знаю, я не урод, не красавец, но не урод. Но мы совершенно не знаем друг друга! Вот, мне кажется, в чем вопрос. Или я слишком наивен? Потом узнаем. Я познаю ее, она познает меня».

И Адам решил. Как-то утром, придя на рабочее место и включив компьютер, он заметил ее, проходившую мимо с чашкой кофе в руках. Она улыбнулась ему как всегда ласково и спросила:

– Принести тебе кофе?

– Да, с удовольствием... – с радостью согласился он.

– С молоком?

– Да, если можно.

Она поставила свою чашку на свой стол и пошла плавной походкой приготовить ему кофе. Надо сказать, что многие сотрудники заглядывались на Анну и даже заигрывали с ней, полу-шутя, полу-серьезно приглашая в ресторан или на встречу. Адам замечал и не замечал ничего. Он был погружен в свою работу и в легкие, начинающиеся впервые, отношения с девушкой. Да и какое дело ему до разговоров коллег по работе с Анной. Адам не видел в этом ничего предосудительного. Другое дело, что, может быть, он не обращал внимания на многочисленные взгляды Анны и ее улыбки, обращенные к другим партнерам; для Адама все было в порядке вещей.

Когда она поставила перед ним чашку, полную кофе с молоком, он внимательно посмотрел ей в глаза и серьезно сказал:

– Анна, я бы хотел пригласить тебя в ресторан сегодня вечером.

– Так пригласи.

– Ты придешь?

– Что за вопрос! Какой ресторан, если не секрет?

Он сконфузился, назвал ресторан.

– О! Это очень дорогой ресторан... и при шикарной гостинице. Я буду. Когда?

– Думаю часов в семь... тебя устроит?

– Ну, если тебе хочется в семь, будет в семь.

– Я заеду за тобой на такси.

– Прекрасно. Я буду ждать тебя, мой милый.

Она очаровательно улыбнулась ему и с гордо поднятой головой проплыла на свое место.

Вечером в назначенный час такси стояло возле ее дома. Он не ожидал увидеть столь очаровательную леди. Уже пришла осень, холодный ветер кружил по улицам Петербурга, мокрый асфальт покрывали золотые и красные листья клена. Она вышла из парадного и, кажется, прохожие на всей улице замерли от восторга. На Анне была белая соболья шубка до колена, такая же модная шапочка, тонкие черные чулки с рисунком дракона и мягкие сапожки на невысоком каблучке цвета чулок. Ее любимая яркая помада украшала ее губы и в сумерках блестела, как светофор.

Он вышел и открыл заднюю дверь автомобиля. Она села, положила сумочку рядом. Они тронулись.

– Как ты? – спросил он.

– Разве ты не видишь? Я чувствую себя великолепно. И главное потому, что я с тобой, мой милый.

Она пожала его руку своей в перчатке.

Они приехали. Швейцар распахнул перед ними двери. Метрдотель поклонился и провел к их столику. Заиграла музыка, приятная итальянская романтическая мелодия.

– Что ты предпочитаешь пить?

– Разумеется, шампанское. Французское.

Он подал знак. Сомелье появился тут же у столика с картой вин. Адам удивлялся себе! Как он замечательно справляется, впервые будучи в таком шикарном ресторане для богатых людей. Он, правда, поинтересовался заранее и заказал столик и еще кое-что, но одно дело уметь заказать место в ресторане, а другое вести себя *lege artis*, по всем правилам искусства.

– Могу предложить сухое шампанское «Вдова Клико», – вежливо поклонился сомелье.

– О, я его обожаю.

Адам бросил взгляд на цену, брови его чуть поднялись и... он решил просить на стол бутылку, а не по бокалу. Она благодарно посмотрела на него.

– Ты знаешь, когда я впервые пила это шампанское? Когда папа защитил диссертацию. К нам приехал его друг, посол из Парижа, и подарил ему бутылку «Вдовы Клико». Мне было 16 лет.

Подали салат жульен, устрицы, разумеется, шампанское. Далее, как в медленном кино, подали по заказу мадам ростбиф «А-ля Мирабо», а на сладкое она заказала пирог «саварен» с клубникой. Ужин получился на славу. Он не платил по счету, как Анна ожидала, а пригласил ее в номер, снятый им заранее. Это был его сюрприз.

Она улыбнулась, легко поднялась и, взяв его под руку, проследовала в номер. И здесь проявился весь неисчерпаемый ее талант обольстительницы! Роль Адама заключалась только в том, чтобы оставаться первым мужчиной – мальчиком, который испытает на себе могучую власть любви.

Утром он вышел из номера дорогого отеля мужчиной, с прекрасной женщиной под руку. Он расплатился за ужин и номер, и отвез ее усталую домой. Сам же отправился на службу.

Через неделю она заявила ему, что беременна. О! Это был настоящий сюрприз. Он был ошарашен, но счастлив. Его ребенок, от его женщины!

Свадьба состоялась немедленно. В дорогом ресторане, с небольшим количеством гостей. Только самые близкие. Теперь вставал вопрос о проживании. Кажется, два работающих человека могли бы снять себе приличную квартиру в центре, но нет. Квартира в центре уже была, и она принадлежала маме Адама. Две спальни и гостиная около Невского.

– Дорогой, я беременна твоим ребенком. Мы не сможем жить у моих родителей, там всего салон, кабинет отца с книгами, одна спальня и моя маленькая комната, нам не будет там места.

– Хорошо, Анна, будем жить у меня. Мама в одной комнате, мы в другой, и еще большой салон.

– Это невозможно, милый. Младенец будет ей мешать, да и к тому же, квартира маленькая, нам нужны обе спальни. Одна для ребенка, другая для нас.

– Но куда же девать маму? Она живет в этой квартире 50 лет!

– Дорогой, это не проблема, у меня есть связи, ее определят в лучший дом престарелых в Петербурге или пригороде. Мы будем доплачивать, но для нее это будет лучший вариант. Постоянный уход, забота, ты же понимаешь.

– Нет, Анна, я не понимаю. Как это выселить мою мать из ее дома?!

– Не твою мать, а бедную жалкую старушку, которой все равно некуда деться... переселить ее в лучшее заведение, где за ней будет прекрасный уход, питание, врачебный надзор. Ты понимаешь?

– Да, но я этого не хочу! Да и она не захочет.

– Уф, ты упрям, Адам! Ты не видишь истины!

– Покажи мне ее, в чем она?

– В том, что нам с твоим ребенком негде жить! А твоя мамаша, больная, со старческим маразмом, будет там, в доме престарелых, чувствовать себя гораздо лучше, чем с нами. А ребенок с его плачем и суетой будет ей только мешать. Она даже не может за ним ухаживать. Она слишком слаба...

Он задумался. Было что-то логическое в ее умозаключениях. Но не было там доброты, любви к ближнему, одна прагматика. Он чувствовал это, но что он мог сделать. Как что? Воспротивиться! Но, зная свою жену, пусть даже очень поверхностно, он понимал, что ему не переубедить ее.

И это случилось. Ее друзья нашли приличный дом для престарелых, по протекции записали его мать туда, повесили на него долг – оплачивать регулярно приличную сумму денег, и мама переехала в дом престарелых, а Адам и Анна в его квартиру близ Невского, довольно просторную, светлую, с тремя большими комнатами и высокими потолками: две спальни

и гостиная, с прихожей, кухней, ванной, туалетом и в прошлом комнатой для прислуги, а ныне кладовкой, и черной лестницей, ведущей во двор.

Квартира эта, впрочем имела свою историю. Раньше в ней проживала семья некоего советника из дворян, который после революции сбежал в Париж, и власти вселили туда Льва Семеновича, ведущего инженера крупного завода в Питере, с женой Ривой, детским врачом. В начале войны завод со всеми рабочими и инженерами эвакуировали на Урал, но Рива, преданная долгу ухаживать за своими маленькими подопечными, отказалась следовать за мужем.

Однажды во время очередного обстрела она с ребенком на руках бежала в бомбоубежище, упала, сломала ногу, и кость срослась неправильно, не было условий делать операцию; с тех пор Рива хромала. В конце концов, в самые тяжелые дни февраля 1942 года Рива с маленькой дочерью Верой и тысячами других детей и женщин была эвакуирована из голодного и холодного города, где измученные озверевшие люди кормились не только мертвыми, но и живыми, страшнее всего, даже детьми.

Они выехали по льду Ладожского озера, под бомбежками, и чудом уцелели. Когда же после войны вернулись в город – Льву, как уже главному инженеру вернули его квартиру, только была одна проблема: дом был почти весь разрушен. Временно им дали другое жилье в коммуналке, но после реконструкции им вернули их квартиру, – не без трудностей, на нее уже зарились чиновники городской власти. По счастью, сын одного из офицеров сил внутренней безопасности высокого ранга находился на лечении у доктора Ривы. Это решило исход борьбы. Таким образом, Адам знал это достоверно, квартира по праву принадлежала его матери-блокаднице и ему.

Однако «*Natura non imperatur nisi parendo*». Природу не покорить иначе, как покорившись ей. Адам покорился. Природе своей властной жены, а может, и своей собственной мягкой и уступчивой природе.

Скоро родилась очаровательная девочка. Да и как могло быть иначе у двух красивых родителей? Адам был безмерно счастлив. Назвали ее, по настоянию Анны, в честь королевы Англии Элизабет. Анна не желала кормить грудью, чтобы сохранить девственность груди, и девочку кормили из бутылочек, которые поставлял, естественно, Адам, и еще личный тренер его супруги из спортклуба, так называемый бодибилдер! Но это не мешало Адаму, он принимал это за дружескую поддержку, которая казалась ему естественной.

Он, однако, с течением времени заметил холодок в их отношениях, не видел интереса со стороны Анны к нему и к тому, чем он занимается, хотя старался угодить ей во всем, как и прежде. Не было между ними и той любви, о которой он мечтал, начитавшись романов. А ведь он и сам писал свой роман и небольшие рассказы, а главное – написал настоящую сказку для Элизабет, не похожую ни на одну из сказок мира, и назвал ее «Зеленая шапочка, принцесса леса». Он читал каждый вечер перед сном маленькой Элизабет одну главу, заканчивающуюся словами: «А что было потом, я тебе расскажу завтра», и девочка сладко засыпала, подложив кулачок под щечку, а следующим вечером он читал главу продолжение, и так каждый вечер. А еще он готовил шуточные стихи и поэмы на дни рождения или общие праздники в их компании, когда все смеялись и хлопали в ладоши, поражаясь его таланту – точно и остроумно описать героя именинника или именинницу. И конечно же, зачитывал вирши в честь своей непревзойденной супруги.

Но что-то дрогнуло и началось в этой внешне спокойной жизни семьи Адама и Анны! Что-то скрытое от глаз, некий подземный процесс, словно столкновение глубоких тектонических пластов, накопившихся обид и раздражения в сердце супружеских отношений.

Адам, по выработавшейся привычке, не обращал ни на что внимания, но Анна кипела внутри. Под покровом благодушия ее мужа, его самодостаточности, мечтательности и безмятежности, когда на все ее почти уже открытые флирты и интриги он не просто закрывал глаза, а, по сути, даже не открывал их, даже не пытался понять и увидеть, что происходит с его женой

прямо у него под носом, а не только за его спиной, – в душе Анны назрел пылающий комок ненависти к нему. К этому равнодушному идиоту, благодушному папашке с брюшком, которому важны его пиво, его футбол, его работа и дочь, и уж совсем в малой степени она, его супруга, по сути глава семьи и домоправительница.

Тем временем Элизабет выросла, она оказалась смышленной, способной и наблюдательной девочкой. Однажды она задала маме нелिцеприятный вопрос: почему, «когда папы нету дома, к нам ходят разные дяди», а ее запирают в ее комнате? В тот же год Анна без особого сопротивления мужа, даже как бы с его согласия, отправила Элизабет учиться сначала в пансион под Москвой, а после окончания там школы – в университет в Англию.

Часы тикали, календари показывали новые даты, и каждый год цифры становились все больше, все тяжелее, как в периодической таблице элементов Менделеева. Он немного постарел, располнел. Анна, наоборот, относилась к себе очень внимательно. Она давно оставила работу и жила для себя. Адам последние годы их совместной жизни стал чувствовать некоторое презрительное отношение к нему. Только в постели он удовлетворял ее безотказно и полностью, как ему казалось. Он был способен на долгий и страстный секс, до того, что она сама просила об отдыхе, и тогда они засыпали в обнимку, счастливые и умиротворенные. У Анны, казалось, не было повода жаловаться на недостаточность их сексуальной жизни или его мужскую слабость. И здесь у него возникал вопрос, почему же он часто видит ее с друзьями, старыми и новыми, улетающую за границу, как правило, под предлогом деловых поездок. Нет, порой они ездили вместе, но их совместное времяпровождение было скучным и утомительным для них обоих.

На последних пирушках Адам невольно стал вдруг замечать, как она очень тесно танцует с кавалером, прижимается к нему, делая пошлые движения и даже позволяя целовать ее при всех. Он отводил глаза, ему казалось низким подглядывать за своей женой, верной спутницей, и подозревать ее в чем-то... в чем-то очень нечистоплотном, что для него самого являлось табу.

Однажды на вечеринке подвыпивший приятель из их компании, с сигарой в зубах и стаканом виски, глядя как Анна танцует с кем-то, и вроде бы не обращаясь к Адаму, сидевшему рядом с бокалом вина, сказал: «Какая прелестная нимфоманочка... она не меняется с годами...»

В тот вечер, да, именно в тот вечер откровения, возможно, одного из любовников его жены, мир Адама сильно пошатнулся. Ему вдруг почудилось, что чего-то он не понимает в своей жизни, да, пожалуй, и в жизни вообще!

Дни, впрочем, пока текли своим чередом и ничто не предвещало гроз и бурь, для Адама, по крайней мере. Он продолжал много работать и весьма прилично зарабатывать. Их интимная жизнь перестала быть желанной со стороны супруги. Это огорчало его, но не ее. Анне надоел ее муж с постоянством в своей сексуальной жизни. Никаких фантазий, никаких новых предложений, с ним нельзя даже заговорить о свинге или оргии. Она уже была готова познакомить его со своей подругой, чтобы та соблазнила его, и подглядеть, что получится. Но нет, он не поддавался на маленькие провокации. Разочарование и удрученность ситуацией, самую ею созданной, накапливалось в ней и закипало, и однажды утром Анна встала необыкновенно раздраженной. Самое безобидное и даже естественное предложение Адама поехать в отпуск одним, только он и она, и не за границу, а куда-нибудь на природу под Москвой, поближе к пансиону Элизабет, снять домик и пожить там неделю, встречаясь с дочерью, вызвало в ней бурю негодования.

– Ты не понимаешь меня! – кричала она, – Поехать с тобой?! Под Москву? В какую-нибудь захолустную деревеньку? Тебя вечно тянуло в тупик! Ты тупой, бессердечный мужлан! Никаких чувств, один грубый член! Ты ничтожество! Все твои знания книжек – один сплошной блеф! Никому это не надо! Убирайся из моего дома! Ты мне отравляешь жизнь! Одним своим присутствием отравляешь!

Она сердилась на Адама за то, что он не понимает ее! Она говорила, будто он лишает ее индивидуальности. Что было с точностью наоборот. Ее бездарная индивидуальность проявлялась во всем, особенно же при встрече с подругами и друзьями, хорошо знавшими ее «индивидуальность». При любом случае, когда он пытался ободрить ее и поддержать в любых ее начинаниях, она же обвиняла его, и даже публично, что он глуп и ничего не понимает в женском характере.

– Уходи прочь!

– Но это ведь и мой дом, – как можно спокойнее возражал он, – и Элизабет моя дочь.

– Пошел прочь! Ты мне угрожаешь! Я уже посылаю письмо адвокату об удалении тебя из моего дома.

– Но, Анна, как это может быть? Я твой муж и отец дочери. Что с тобой случилось?

– Не со мной, а с тобой! – она орала на него и одновременно говорила с кем-то по телефону. Когда она закончила орать, через несколько минут в дверь постучали. Анна открыла, на пороге показался ее приятель, огромная горилла, ее личный тренер, бодибилдер, с мышцами на всю улицу. Он вразвалку подошел к Адаму, смахнул невидимую пылинку с его пиджака и произнес, глядя сверху вниз:

– Адам, есть случаи, когда женщина страдает с вами. Это нехорошо. Надо уступить женщине, чтобы она не страдала. Надо уйти. И все будет хорошо. Оставьте ее в покое, и все будет хорошо. Ты меня понял, Адам?

– Нет! Я тебя не понял! Кто ты такой? Это моя семья и моя дочь...

– Тогда тебя положат в больницу на много месяцев с разными переломами, и тебе придется дорого платить и за лечение, и за содержание жены с ребенком, и за оплату квартиры.

– Квартира моя! И какое вам дело?...

– Она моя! – резко выкрикнула Анна. – Я ее приватизировала на свое имя. Она полностью моя. Твоя сенильная мамаша подписала все документы в присутствии нотариуса. Квартира моя, машина моя. Мы разводимся, понял, ничтожество?

Они развелись. Развелись по ее правилам. Не было у него друга посоветовать, или юриста оспорить. Он остался один. Гол как сокол. Без жилья, без семьи, без друга или подруги... Одна работа... и еще его книги...

АКТ 4

Наступила осень. «Унылая пора! Очей очарованье!» Однажды он прогуливался в одиночестве по парку. Цветные листья выстлали для него веселую дорожку, и Адам медленно ступал по этому праздничному ковру, любясь палитрой красок под ногами. Он любил осень. Для его души осенняя пора действительно была праздником. Дождь и маскарад деревьев, облака плывущие и быстро меняющиеся, ветер, вальсирующий с падающими листьями. И его абсолютное одиночество. Он полюбил свое одиночество. Осенний маскарад, и он гость на этой фиесте.

Неожиданно на тропинке впереди послышались шаги. Он не поднимая головы, немного отступил в сторону, позволяя прохожему пройти мимо. Но прохожий остановился прямо перед ним. Адам хотел было обойти его, но фигура твердо стояла на его пути. Тогда он поднял глаза и увидел ее, Девочку, ту самую девочку, влюбленную в него с первого класса. О ее любви к нему в те школьные годы он понял после развода с женой. Но понял не умом, а сердцем, то есть шестым чувством, непонятным и неопределенным. А вот сейчас, 20 лет спустя, она стоит снова перед ним и улыбается своей ласковой, доброй улыбкой с ямочками на щеках.

– Здравствуй, мой мальчик.

– Здравствуй, моя девочка.

– А ты возмужал.

– Наверное, быть может... а ты постарела... вон седая прядь.. Ой, прости...

– Это ничего, это правда. Ты всегда говорил правду.

– Как ты?

– Так и сяк. По правде, не очень. А ты?

– Я? Развелся с женой, после 10 лет вместе. У меня дочь Элизабет. Я ее почти не вижу.

Работа есть. Это все.

Они пошли рядом по яркой цветастой дорожке, казалось единственной тропинки, ведущей к светлой надежде среди окружающего сумрака их нынешнего бытия.

– А ты меня очень любила? Тогда, в школьные годы?

– Очень. Я видела тебя в своих снах, ловила твою улыбку, твой взгляд, любое прикосновение...

– А я ничего не замечал...

– А теперь заметил.

– Я аутист, девочка моя.

– Кто же тебе поставил такой диагноз?

– Я сам...

– Диагноз ошибочный! Ты вовсе не аутист, а великий романтик и поэт, и я люблю тебя таким, какой ты есть.

– До сих пор?

– Конечно.

– Ты замужем?

– Я развелась. Он не был похож на тебя ни капельки, ни вот на столечко. В начале мне показалось, что похож. Но потом поняла – совсем нет. А я искала только тебя.

– Я один. Жена выставила меня за дверь, обвинив, что я не понимал ее потребностей и желаний.

– Я знаю.

– Откуда?

– Я знаю тебя. Я все чувствовала. Все эти годы интуитивно чувствовала и ждала.

– Странно.

– Ты был женат 10 лет?

- Да.
- Значит после развода и до сих пор ты жил один? Или...
- Один.
- 10 лет одиночества! Милый ты мой! Милый, милый, родной человек.
- Как? Мы не виделись 20 лет?!

Она грустно кивнула. Он удивленно смотрел на золото листьев под ногами, словно только что узнал необыкновенную тайну...

– Постой, однажды мы случайно встретились в литературном кружке, помнишь, ты уже был женат, и ты читал мне свои стихи и рассказ... А потом мы опять расстались на новые 10 лет разлуки.

- Мне мое одиночество нравилось... – тихо произнес Адам.
- Это неправда, – возразила Ева.
- Ну, может быть, не совсем нравилось, но я привык. Уж лучше, чем...
- Это правда.

Неожиданно он остановился, повернулся к ней и пристально осмотрел. Она выглядела замечательно. Он ошибся, сказав, что она постарела. Кожа лица была гладкая без капли косметики, те же ямочки на щеках при улыбке, может, несколько морщинок у глаз и серебряные нити седины волосах. Глаза ее смеялись, мягкий шарфик утешал ее шею, длинный приталенный бежевый плащ и черные сапожки очень шли ей. В сущности, она не изменилась. Ни лицо, ни одежда, ни душа. Та же Ева из его детства.

– «И пусть ночь слишком близка, у нас еще годы и годы после полудня», – процитировал он строчку из американской песенки.

- Ты остался поэтом. Я рада. Ты что ни будь опубликовал?
- Нет, но у меня чемоданы исписанных листов.

АКТ 5

– «Женщина научается ненавидеть в той мере, в какой она разучивается очаровывать». Я часто думал о моей не сложившейся семейной жизни. Что, мол, я во всем виноват. И вдруг нашел у великого Ницше это объяснение. А ты говоришь, что любишь меня. Да, значит любишь... – раздумчиво произнес мальчик. – Но за что? Я ведь... не такой как все...

– Любят не за то или за это, любят потому, что без человека, которого любят, жизнь не мила. Вот весь ответ на твой глупый вопрос.

Они постояли еще пару минут. Он попытался поверить, что его по настоящему любят двадцать лет спустя, без свиданий, без переписки, даже без случайных встреч! И эта первая любовь сохранилась в ее сердце? На него нахлынула горячая волна нежности. Он предпочел поверить.

– Идем, Адам, начинается дождь.

Она взяла его под руку и повела по цветному ковру из листьев.

– Девочка, скажи, разве такое может быть? Или я в сказке? А может, я сплю, и это лучший сон в моей жизни?

– Нет, мой милый, это не сон, но это и вправду похоже на сказку.

Дождь крупными каплями сердито стал барабанить по зонту, который она раскрыла над ними, словно выгоняя их из сада. Она крепко держала его за руку и спешила к метро. Через несколько остановок они вышли.

– Куда мы идем?

– Ко мне домой, мальчик.

Адам вздрогнул от некоего неприятного воспоминания.

– Ты живешь одна?

– Нет, с тобой. Всю жизнь жила с тобой. С момента когда ты неуклюже впервые прижал свои губы к моим...

Поднялись на этаж. Она отворила входную дверь. Они вошли. И тут в его мозгу возникла и разрослась до боли страшная, безобразная мысль: «Надо уйти! Бежать... Это сон... это не явь. Это не может быть явью! Как она нашла меня? В этом парке? В этот час? Этим вечером? Как она могла знать что я буду там?! Я же давно уехал из детства...»

Он повернулся к выходу.

«А может я никуда не уезжал? Так и остался ребенком? Но нет, меня здесь не было 20 лет».

Он потянул ручку входной двери, она была заперта.

«Я ничего не понимаю... я дрожу и брежу... почему закрыта эта дверь?»

Он снова подергал ручку.

«Милый, не пытайся убежать от себя. Я привела тебя домой. Тебе некуда больше идти. В свое одиночество? Нет, на сей раз я тебя не отпущу», – услышал он как будто ее слова.

– Идем пить чай, ты согреешься.

Еще в прихожей он почувствовал сладкий аромат чего-то вкусного. Они сняли плащи, она подала ему домашние тапочки. На ней было скромное темно-синее платье чуть ниже колена, не скрывающее ее красивых ног. В квартире было тепло и уютно. Он не помнил, когда ему было так тепло и уютно в доме.

– Но ты была совсем маленькая. Сколько нам было? По 13?

– Это именно возраст, когда влюбляются на всю жизнь и верят в сказку, – она улыбнулась, – проходи на кухню, садись.

Кухня была большая, хорошо устроенная. Стол светлый из карельской березы, с двумя стульями. Плита с вытяжкой, еще небольшой столик для готовки и шкаф с кухонной утварью.

Все было очень чисто, аккуратно, выдержано в светлых тонах, на окне занавеска с нежными полевыми цветочками.

На столе уже стоял фарфоровый набор из чашек и блюдца, сахарница, чайник. А главное, тарелочка с его любимыми эклерами.

– Откуда ты знаешь?... – он смотрел на нее и не мог оторвать взгляда. Сердце его билось и лицо покраснело.

– Помню, твоя бабушка и мама устраивали твой день рождения у вас дома каждый раз в начале учебного года. Ты приглашал несколько одноклассников, и меня в их числе. Не знаю почему. И всегда на сладкое были тобою любимые пирожные, эклеры и торт «наполеон».

– Боже мой!

Он посмотрел на нее глазами, полными слез. Взял ее руку, прижал ладонь к своей щеке. Потом поцеловал эту ладонь. Она была мягкая, теплая, добрая. Но главное, она была реальной.

– Я хотел уйти, – признался он.

– Я видела.

– Но разве это не сказка?

– Конечно, сказка. Должно было пройти столько лет, чтобы ты понял...

– Да... я понял, что...

– Нет, нет, не говори ничего. Я знаю, ты понял, и мне этого достаточно. Для меня важнее было любить, а только потом быть любимой. Но... я всегда знала, что ты меня любишь. Всегда. И вот ты пришел.

Они сидели на кухне, просто, по-домашнему. Пили чай. Едва говорили. Все слова и вопросы казались ему нелепыми, неуместными. За окном лил дождь. Ветер посвистывал в приоткрытой форточке. Они молчали друг против друга с одной и той же страшной мыслью, что сказка вот-вот закончится.

Наконец, она поднялась.

– Идем, тебе надо принять душ и отдохнуть. Ванной у меня нет, но есть душевая. Я специально убрала ванную, чтобы немного расширить кухню. Вот белье и полотенце.

Когда он вышел в большом банном халате, она провела его в спальню.

– Ты будешь спать здесь. А я лягу в гостиной.

– Нет, лучше я лягу там...

– Там маленький диванчик и такому большому человеку будет неудобно. Спокойной ночи, мой милый Адам.

– Спокойной ночи, Ева.

Она закрыла дверь. Он сел на большую двуспальную кровать, обхватил голову руками и... заплакал.

День первый закончился. Утром его ждал день второй. Небо за окном чуть просветлело. Дождя не было. Он надел тапочки и вышел из спальни, как и был, в пижаме. В прихожей стояла Ева.

– Привет, Адам! Как ты спал?

– Как никогда в жизни! Доброе утро, Ева.

Она была в желтом спортивном костюме, белых кроссовках, и на щеках горел яркий румянец. Он робко подошел к ней.

– Не бойся, обними меня!

И она сама прижалась к его щеке и притянула к себе. Ее щека была холодная и пахла свежестью. Он поцеловал ее.

– Сейчас будем завтракать. Я сбегала в магазин, купила свежую сметану, творог, молоко и теплые булочки. Ты уже умылся?

Он смотрел на нее, зачарованный. Все в ней жило, дышало, переливалось через край одним только страстным желанием сделать его счастливым, вытащить из болота депрессии и стать вместе с ним счастливой самой.

После утреннего моциона он вышел к ней свежий, отдохнувший и почти спокойный. В душе еще не угасли тлеющие угли страха, что ему все только мерещится, и боязни, что все, что он прочувствовал и пережил за этот один короткий день, эфемерно, нереально, как «фата моргана». Однако, утром он нашел в спальне на плечиках вешалки свою выстиранную и выглаженную рубашку, чистое нижнее белье, галстук. И это было реально, доступно проверке на ошупь. Он вышел к завтраку в хорошем настроении.

– О, какой стол, милая! – всплеснул он руками, завидев заставленный всякими яствами, впрочем совсем простыми, стол. – Когда ты все успела?

– Минимаркет совсем рядом. По утрам всегда привозят самое свежее. Садись.

– Спасибо, но тебе пришлось встать очень рано...

– Я жаворонок.

– А я сова. Какой вкусный хлеб... ммм... еще горячий... Я обычно не ем так много утром.

– А что ты ешь утром? – спросила она с удовольствием наблюдая, как он уплетает горячую булочку с творогом и сметаной.

– Обычно выпиваю стакан чаю с таблетками от давления и аспирин, так, по рекомендации доктора.

– И все?

– Все.

– И вечером наверняка наедаешься, как бегемотик! Где ты живешь?

– Я снимаю квартиру в пригороде. Еду на работу на электричке. Работаю часто допоздна. Кушаю в ресторанчике рядом с работой. Возвращаюсь домой спать. Иногда пишу по ночам, но недолго, утром рано вставать. Но скоро я куплю машину, будет проще.

– Почему же не купил до сих пор?

– Моя бывшая повесила на меня долги... И мама жила в доме престарелых, надо было оплачивать и ее существование. Как-то я купил у знакомого старенькую машину, но она быстро развалилась. Я решил накопить деньги на новую.

– Понимаю. Мама еще жива?

– Нет.

– Вот и я сирота. Родители умерли. Отец давно, мама недавно. Оставили мне эту квартиру. Год я жила у мужа, но ушла от него, вернулась к себе. Ну, это то, что есть. Значит, обильные ужины ты предпочитаешь хорошим завтракам, – сказала она, улыбаясь.

– Ну, вечером приятно поесть... никуда не нужно спешить, отвечать на телефоны. Кстати, мне нужно позвонить боссу, сообщить, что я сегодня опоздаю...

– Не опоздаю, а не выйду. И завтра, и послезавтра. Хотя бы три дня.

– Как три дня?! Почему три дня?

– Ну, для переезда.

– Переезда? Куда?

– Сюда, домой, в наш дом. Твой новый дом.

Он смотрел на нее с удивлением, словно не понимал, о чем она говорит, на каком языке она говорит.

– Милый мальчик, ты, наконец, вернулся домой. Здесь тебе будет хорошо и мне будет хорошо. Ты избавишься от своего бездарного одиночества и избавишь меня тоже. Допей чай, закончи завтрак и позвони боссу. А потом мы поедем на твою квартиру, заберем твои вещи, чемоданы с исписанными листами, книги, и найдем нового квартиросъемщика вместо тебя.

Он опять, потрясенный, смотрел на женщину напротив, ничего не понимая.

– Ты так все быстро решила? Решила за меня? – спросил он после паузы, нахмурившись.

– Да, за нас обоих. Я быстро принимаю решения.

– И никогда не ошибаешься? – он мрачно смотрел в сторону.

Наступила тревожная тишина. Она поняла, что совершила ошибку. Ее натиск, ее желание поскорее наладить его, да и свою жизнь, не упустить снова шанса жить с любимым человеком, невольно толкали ее действовать стремительно.

– Ты обиделся? Ты сердишься? Адам, умоляю тебя, прости! Я не хотела тебя обидеть... наверно, я поспешила... Извини, Адам.

Она подошла к нему, сидящему насупившись на стуле, обняла и прижала его голову к своей груди.

– Спасибо за завтрак... за постель... за прием... – он медленно поднялся, ноги и руки его дрожали.

В его голосе почти и не скрывалась досада и разочарование. Только было вспыхнувшие в его душе искры доверия к этой близкой – далекой девушке начали угасать от нахлынувших, словно поток ледяной воды, воспоминаний об Анне, его бывшей супруге, диктаторе и самодурке. Дверь за ним затворилась. Ева осталась стоять у окна, сжимая пальцы рук до боли в суставах.

АКТ 6

«Зачем, зачем я его так обидела?! Наступила на его гордость! В школе он всегда болезненно реагировал на обидные слова, даже на неудачную шутку, брошенную в его адрес».

Ее первым желанием было броситься за ним, объяснить, просить прощения... Но она понимала, что так она его не вернет. Нужно время. Она совершила ошибку! Теперь придется опять ждать и надеяться.

«Но в чем-то он прав... спрашивая меня снова и снова о любви... люблю ли я его до сих пор... как тогда? Ведь правда, люблю ли я? И почему? Потому, что я его выдумала?.. Создала для себя?.. Может быть, он не совсем такой, каким я его нарисовала в своем воображении, но очень похож на такого. Я люблю его, как Пигмалион, царь Кипра, создав прекрасную статую Галатеи, влюбился в свое творение. На его просьбу Афродита оживила статую, и Галатея вышла за него замуж, у них было двое детей... Так и я мечтала о кудрявом мальчишке, нежном и добром, с которым сидела за одной партой, что однажды он станет моим мужем и у нас будут прекрасные детки. И вот мы встретились... правда, прошло много лет... слишком много. Но люди не меняются в основе своей. Дурак остается дураком, умный умным. Жадный жадным, добрый добрым. Но зачем я его так обидела, Господи! Зачем так поспешила?»

Она прошлась по комнате. За окном стоял пасмурный день, темные тучи низко висели над землей, ветер гнал листву. Надвигалась буря. И именно в этот час, в час бури ей захотелось выйти из дому. Нет, не на поиски Адама, первого любимого человека в ее жизни, а из чувства вины! Ей хотелось, чтобы ветер хлестал ее мокрым веником листьев по лицу, спине, ногам и рукам. Она должна была хоть немного пострадать, как страдал сейчас Адам. Она надела спортивные туфли и, набросив куртку, быстро вышла на улицу. Ветер и начавшийся дождь делали все то, о чем она просила! И она не пряталась от дождя и ветра. Боль новой потери, страх снова потерять, – что может быть безжалостнее для души в конце пути длиной в 20 лет?

«Почему же я выдумала моего мальчика? Может, оттого, что в детстве я была лишена братика или сестрички, что не было игрушек, только одна старая тряпичная кукла, что не было отца, он умер рано, что мама пропадала на работе целыми днями? У меня практически не было друзей. И пусть мы жили в большой коммуналке, где были еще дети, – я большую часть времени проводила одна. Тогда я фантазировала. Теперь я понимаю себя намного лучше, мои фантазии подменяли мне реальный, не очень добрый ко мне мир. И тогда Адам стал моей реальностью».

Ева остановилась. Долг сопереживания был отдан. Она повернула домой.

АКТ 7

Улица была пустынна. От дома Евы до работы ему было очень близко. И никаких электричек. Но он ушел от нее, не способный вынести новый террор, хотя... хотя, если смотреть честно правде в глаза, то девочка в какой-то степени права. Но... Как это может быть, что всегда кто-то был прав, кроме него? Все вокруг, только не он! Неужели он настолько глуп, не способен мыслить аналитически, чтобы не уметь доказать свою правду? Эти горькие мысли раздражили его и он пошел быстрее под начавшимся дождем, без зонтика и не заходя в метро.

«Я абсолютный, стопроцентный аутист! И не нужно мне ни с кем жить, и никого любить, и не нужно мне ничьей любви! Черт возьми! Ведь вот опять чуть не попался на удочку этих эфемерных чувств!»

Он быстро шел, разговаривая сам с собой. Скоро показалось здание его офиса. Он очнулся, остановился. Поднялся сразу в кабинет босса.

– Владимир, я уйду в отпуск на неделю.

– Адам, какой отпуск? Мы в середине проекта!

– Толик с Юрой в курсе дела, они толковые ребята, справятся.

– Куда? На Багамы? – без энтузиазма спросил босс.

– Еще не решил. Спасибо.

Он повернулся и поспешно вышел из кабинета.

АКТ 8

У подъезда она встретила дворника Колю. Лет тридцати, после службы во флоте, по его словам, где, как он говорил, получил травму головы. Он был высок, плечист, физически очень силен, а внешне его тяжелая нижняя челюсть и низкий лоб немного отпугивали, однако из орбит простодушно смотрели на вас выцветшие белесые глаза. Его русые волосы всегда были коротко подстрижены, как в армии. Он слыл немного придурковатым и главное – депрессивным. Ходил он в тельняшке и широких черных брюках, всегда чистых и отглаженных, но форму эту, казалось, не менял ни зимой, ни летом.

– Ева! Мать моя! – завопил он при виде Евы. – Ты истинно мать моя и праматерь всех живущих...

– Коль, спасибо. Чего тебе? Опять плохо?

– Плохо не то слово, мать. Я загинаюсь... понимаешь?

– Понимаю... и я загинаюсь...

– Мать моя! Кто тебя обидел? Порву на куски! Скажи только! Я Коля, ты понимаешь?.. Я за тебя, мать, горы сверну! Говори, кто?

– Пойдем, Коля, ко мне, попьем чай...

– А пирог есть? Ну, этот... твой... яблочный?

– Есть, Коля.

– Иду, Ева, иду, мать моя, ты только не боися, скажи мне, кто твой этот обидчик, я с ним поговорю, ну так, знашь, по нашему, мать моя, ну понимаешь, он быстро поймет...

Они поднялись в ее квартиру. Лестница была чистая, убранная, даже у подъезда было чисто, осенние листья были выметены и собраны в сторонке. Коля удовлетворенно чмокнул губами.

Дома она быстро накрыла стол на двоих. Поставила в печку разогреть яблочный пирог, который сама испекла для Адама.

– Садись.

Огромный Коля неуклюже сел на маленький для него стульчик около стола в кухне.

– Так что, мать? Что там у тебя? Говори, надо с кем-то всегда говорить, понимаешь?

– Коля, это не просто.

– Что не просто? Влюбилась? Столько лет одна. Положено тебе. Но если он гад... я, мать, за себя не ручаюсь, понимаешь? Удавлю!

– Нет, Коля, он не гад, он очень хороший человек, но много лет мы не были вместе?

– А, так это старая любовь... Жалко мне тебя, Ева, я готов тебя взять в жены, я буду очень хорошим с тобой, ты знашь, я ведь хороший, не грубый, не хулиган... тебя в городе никто не обидит, когда узнают, что ты моя жена. Понимаешь? Я, правда, не зарабатываю много, но я могу взять еще участок, и еще грузы грузить. Эх, мать, не в деньгах счастье... Вот только чтоб ты меня полюбила, а уж я тебя люблю давно и на сто лет вперед. Понимаешь?

– Ты хороший, Коля, добрый.

Коля растаял в тихой улыбке. Они сели. Ева положила на блюдечко большой кусок согретого пирога и подала Коле. Он взял с благодарностью. Он любил эту нежную, тонкую, скромную учительку. Она всегда была добра с ним. Все жильцы дома были добры, но большинство потому, что боялись его, этой огромной силы и необузданного характера. Ходило много слухов о нем. Но Ева – единственная, кто понимала его и всегда была готова выслушать его терзания и помочь словом. Поэтому ее подъезд был вылизан с особенной тщательностью и зимой, и осенью, и летом.

В этот момент раздался звонок в дверь. Ева вздрогнула. Коля поднялся.

– Я открою...

– Нет, нет, я сама...

Она с дрожью в коленках подошла к двери. Распахнула ее и...

На пороге стоял Адам. Она бросилась ему на шею. Он нежно обнял ее. Они сделали несколько шагов внутрь и вдруг... Адам краем глаза заметил огромного мужчину, типа бодибилдера Анны на кухне Евы. Он замер. Глаза его застыли на этом экспонате, словно он был в музее древностей. Но это был музей его памяти. Коля сделал шаг вперед. Адам резко развернулся и бегом бросился из квартиры.

– Аааадамммм! Аааадааамммм! – услышал он за собой сумасшедший крик Евы.

– Не бось, мать, я тебе верну его, – выходя, бросил Коля Еве.

– Коля, умоляю, не надо! Это конец...

– Какой конец, мать, только начало.

АКТ 9

Коля выскочил на улицу, посмотрел вправо-влево, никого уже не было поблизости. Он бросился на перекресток, где находилось метро. Это был единственный шанс перехватить беглеца.

Ева тем временем успокоилась. Посмотрела на себя в зеркало, поправила волосы и набрала номер телефона, сообщить директору школы, что она возвращается раньше из трехдневного отпуска, о котором просила. Она больше не думала о личном. Она вдруг, подсознательно, переключилась на текущую жизнь. На своих учеников, дела школы, приближающиеся экзамены.

Адам шел в противоположном направлении, чем Коля. И он вовсе не бежал, а медленно продвигался по улице с красивыми домами и спокойно размышлял про себя. После первой реактивной реакции на здорового мужика в квартире Евы, который, по ассоциации, естественно, походил на бодибилдера его бывшей, – Адам, удрав из дома, освежился бодрящим ветром осени и каплями дождя. Через несколько шагов он успокоился и шел только для того, чтобы привести мысли в порядок.

«Девочка, конечно, права, права во всем, и для меня соединиться с ней, это редкое счастье. Кто меня еще полюбит, кроме нее? И кто поймет? И кому я смогу доверять? 20 лет она была мне верна, а я даже не знал об этом и не думал о ней... Но как же все-таки она нашла меня? Няня сыщика? Не похоже на нее. Я виноват перед ней. В сущности, это я предал ее. Но я ошибся... ошибки можно исправлять... если можно...»

Неожиданно он почувствовал тяжелую руку на своем плече. Он повернулся, перед ним стоял запыхавшийся бодибилдер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.